бороться монарх, которым истинный глава государства не должен позволять овладевать собой.

Но коллизия, связанная с чувствами двух влюбленных героев, все же имела для Сумарокова значение. По справедливому замечанию Г. А. Гуковского, «трагедии Сумарокова были школой дворянской морали и общественного сознания, расчитанной ближайшим образом на людей своего класса».[13] Это относится, хотя и не в полной мере, к «Хореву». И если Оснельда все-таки уступает своему чувству, то поведение Хорева должно было для зрителя являть прямой образец следования долгу дворянской чести, как ее понимал Сумароков.

«Хорев» — первый опыт драматурга. Затемненность основной идеи беспрерывными переживаниями влюбленных, — если учесть и то, что трагедия называется «Хорев», — несколько затрудняет понимание ее направленности. Кроме того, коллизия душевной борьбы, а точнее душевных излияний Хорева и Оснельды, оставаясь в неизменном состоянии на протяжении почти всей трагедии, значительно тормозит развитие и без того почти отсутствующего действия. Даже в последнем явлении V действия, узнав о смерти Оснельды, Хорев произносит полный скорби монолог, затем в том же тоне отвечает на реплики Велькара, Завлоха и Кия, сочиняет эпитафию к надгробию Оснельды и лишь потом закалывается.

В «Хореве» Сумароков еще не сумел отчетливо выразить свое понимание существа и цели трагедии. К этому он приходит позже. Но важно, что уже здесь дидактизм лежит в основе трагедии, составляет ее сущность. Моральная направленность является определяющим фактором в развитии трагического действия.

В 1748 году Сумароковым была написана следующая трагедия «Гамлет». Она представляет собой вольную переделку произведения Шекспира с французского наполовину прозаического перевода, наполовину пересказа Лапласа (La Place. Hamlet, prince de Danemark. Tragedie, traduite de l'anglois de Schakespeare).[14] С «Гамлетом» Шекспира трагедия Сумарокова не имеет почти ничего общего, что, кстати, утверждал и сам автор.[15] Это совершенно самостоятельное произведение. Из прозаического пересказа «Гамлета» Лапласа Сумароков использовал только сюжет.

В этой трагедии, так же как и в «Хореве», сосуществуют две коллизии, тесно связанные и в то же время самостоятельно развивающиеся до последнего действия.

[13] Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века, стр. 153.

[14] La Place. Le théatre anglois, t. II. Londres, 1746, pp. 295—416.

[15] «Гамлет мой кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекспирову Трагедию едва едва походит». А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе..., ч. X, 1782. стр. 117.